

ССАГПЗ: НОВОЕ БУДУЩЕЕ - ТЕПЕРЬ ПОД КРЫЛОМ ЛОНДОНА

Дата: 28.12.2021 Автор: Михаил Лавров

Рубрика: [Ближний Восток](#)

14 декабря в саудовской столице Эр-Рияде прошел 42-й саммит Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – ССАГПЗ (в английской транскрипции GCC – Gulf Cooperation Council). Решения, принятые на нем, свидетельствуют о возрождении желания арабов Залива сформировать, наконец, единый мощный полюс силы в регионе. Это может привести к существенному переформатированию всей ближневосточной ситуации.

42-й саммит Совета арабских монархий Залива не был рядовым событием. Он был призван открыть новую страницу в истории организации. Предыдущая страница была закрыта в январе, в ходе 41-го саммита в саудовской Аль-Уле. Тогда было формально и в полном объеме

восстановлено единство «братских государств», нарушенное за семь лет до этого в результате конфликта между Королевством Саудовская Аравия (КСА) и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), с одной стороны, и Катаром, с другой.

Примирение «братьев» позволило им вернуться к амбициозным планам интеграции, с огромным энтузиазмом разрабатывавшимся с начала века. Интеграция эта должна была охватить все сферы и привести к созданию ближневосточного аналога ЕС и НАТО – Союза Залива (в составе КСА, ОАЭ, Катара, Кувейта, Бахрейна, Омана) с единой валютой, единым гражданством, единой внешней и оборонной политикой, едиными вооруженными силами и т.п. При этом союз «арабских консервативных сил» (как советская внешнеполитическая наука называла монархии Залива) опирался бы на мощь и гарантии США, чье военное присутствие в регионе мыслилось как константа.

Однако на тот период реализовать задуманное не получилось. «Арабская весна» погрузила Ближний Восток в хаос. Казалось бы, в этих условиях Союз Залива мог бы стать оплотом стабильности и настоящим арабским полюсом силы, но этого не произошло. Причина – неспособность «арабских братьев» договариваться и неизбежное стремление обыграть друг друга. Так, в мутном половодье «весны» Саудовская Аравия, Эмираты и Катар (наиболее богатые из «заливной шестерки») начали ловить каждый свою «рыбку», стремясь привести к власти в тех или иных арабских государствах своих клиентов и ставленников. Это и привело к «катарскому кризису», на годы застопорившему интеграционные процессы на арабском берегу Залива.

За время этой паузы на Ближнем Востоке сложилась новая геополитическая конструкция, базирующаяся на взаимодействии трех неарабских игроков – Ирана, Израиля и Турции. Кроме того, стало ясно, что военное присутствие США и их гарантии – отнюдь не константа. А значит, система безопасности в Персидском заливе оказалась подвешенной в воздухе, и в любой момент этот процветающий регион может стать ареной противоборства Тегерана, Анкары и Тель-Авива.

Реальность подобной угрозы была очевидной: «катарский кризис», попытка изолировать Доху, предпринятая Эр-Риядом и Абу-Даби, привели к укреплению связей Карата с ИРИ и появлению здесь турецкой военной базы. С другой стороны, Эмираты и Бахрейн пошли на «нормализацию» с Израилем. А в йеменском конфликте ОАЭ, формально входящие в просаудовскую антииранскую коалицию, проводят собственную стратегию, отнюдь не предполагающую полного искоренения влияния Тегерана... Все это однозначно говорило о том, что Совет Залива рискует быть

разорванным на части и стать жертвой более сильных соседей.

Чтобы избежать такой участи, нужно было решить ряд задач. И первая заключалась не в восстановлении проекта интеграции, а в создании для него силовой платформы, причем обязательно арабской. Проще говоря, богатым арабам Залива нужно было найти в среде других арабов силу, способную их защитить или хотя бы наполнить содержанием понятие «арабский (или аравийский, что по-арабски однозначно) оборонный союз».

Единственным реальным кандидатом был (и остается пока) Египет. Собственно, борьба за него и лежала в основе «катарского кризиса»: Доха и Эр-Рияд (вкупе с Абу-Даби) поставили на разные силы в период разгула «весенних» страстей в Каире. Было бы любопытно узнать, кто так тонко «развел» эту троицу; но если бы этого не произошло, не исключено, что ситуация на всем Ближнем Востоке развивалась бы иначе...

Как бы там ни было, в Египте победила саудовско-эмиратская коалиция, что обеспечило присоединение АРЕ к ССАГПЗ в качестве внешнего гаранта безопасности (однако полноправным членом организации Египет не является). В этом качестве Каир исправно поддерживал все антикатарские, антииранские, антитурецкие демарши «братьев в Заливе», не уставая повторять, что готов прийти к ним на помощь в любой момент, откуда бы ни грозила им опасность (хотя в войну в Йемене он не вмешивался).

Решение «египетского вопроса» естественным образом закрыло и проблему Катара: Доха поняла, что партия проиграна и согласилась восстановить единство Совета Залива. В январе 2021 года в Аль-Уле (КСА) состоялось формальное примирение, которое было поддержано и Египтом. Таким образом сформировалась конструкция «6+1», которая и была положена в основание обновленного проекта «заливного единства».

Конструкция эта не внушает большого доверия: дело в том, что Египет, что бы ни заявляли в Каире, не слишком подходит на роль защитника благополучия арабских нефтяных монархий. Нужно иметь очень богатое воображение, чтобы представить себе, скажем, египетские военные базы в Персидском заливе. Правда, что египтян в странах Залива много, но они работают учителями и инженерами, строителями и менеджерами. Они, конечно, могут служить и в армиях КСА или ОАЭ, но это будут в основном контрактники; армия же Египта вряд ли согласится рисковать быть вовлеченной в конфликт, например, с Ираном ради интересов шейхов. У египетских военных достаточно задач на собственных границах.

Гораздо более предпочтительным выглядело бы привлечение к оборонному

сотрудничеству с ССАГПЗ Ирака, который также является арабским государством Залива. Но это – дело перспективы, пока он слишком слаб ([подробнее об этом мы уже писали ранее](#)). А у нефтяных монархий нет времени ждать. Кроме того, лучше к моменту восстановления иракского потенциала иметь уже достаточно привлекательную структуру, к которой его можно было бы привязать, а главное – не терять время и не рисковать повторением «катарского кризиса» из-за торга за влияние в Багдаде.

Багдаду (и всем остальным) нужно показать картинку, которая была бы не менее соблазнительной, чем сказки «Тысяча и одной ночи». И такую картинку нарисовали на 42-м саммите в Эр-Рияде: к 2025 году будет создан валютный и экономический союз шести государств, где будут сняты все барьеры для перемещения лиц, товаров, услуг и капиталов с едиными органами управления. О планах по развитию инфраструктуры, промышленности, науки и технологий и говорить нечего!..

Надо отдать должное организаторам риядского саммита: все было сделано тщательно. За неделю до него наследный принц КСА Мухаммед бен Салман лично объехал столицы всех государств-участников, провел переговоры с коллегами – королями и шейхами. В результате не осталось ни малейших сомнений в том, что ССАГПЗ преодолел все трудности и готов с новыми силами встретить вызовы будущего! Арабский мир может с уверенной надеждой смотреть на этот оплот стабильности и процветания, исполненный сознания своей высокой ответственности за судьбы региона!

Нет слов, картинка замечательная. Но она не дает ответа на коренной вопрос о системе безопасности. Ведь, чтобы стать «оплотом», нужно быть не потребителем, а производителем безопасности. А именно эту проблему арабы Залива не в состоянии решить, даже вместе с Египтом. Для этого, как ни крути, им не обойтись без внешнего – глобального – партнера. Раньше это был Вашингтон. Но кто может стать им сегодня?

Ответ очевиден: тот, кто был их партнером до Вашингтона, то есть Лондон.

Всего лишь полвека назад Британия была вынуждена уступить гегемонию в Заливе Соединенным Штатам. И сейчас, когда Штаты переключают свое стратегическое внимание на противостояние в Китае, Британия возвращается. У нее есть все: прежде всего – традиционные, вековые связи со всеми странами региона (многие из которых получили свою государственность из рук британцев), доверие их элит и рычаги воздействия на них (пример бракоразводного процесса правителя Дубая Рашида Аль-Мактума), навыки имперского управления (тонкой игры на внутренних противоречиях, эмоциях, самолюбии «туземцев»), прочное военное присутствие (базы в КСА, Омане, Бахрейне, Катаре). А еще –

стратегическое видение, четкое понимание, как и зачем использовать «арабский полюс силы».

И тут следует обратить внимание на, пожалуй, наиболее существенный итог риядского саммита. Речь идет о совместной позиции шести стран по переговорам по иранской ядерной программе.

Арабские государства Залива настаивают на том, чтобы, во-первых, они были допущены к участию в венских переговорах, поскольку тема имеет к ним самое прямое отношение: все они находятся в непосредственной близости от Ирана и угроз, от него исходящих. В принципе, это выглядит вполне логично, ибо не совсем понятно, почему центральный вопрос безопасности региона обсуждается в отсутствие шести региональных стран. С какой стати арабы Залива должны доверять решение жизненно важных для них проблем «большой шестерке» (постоянные члены СБ ООН плюс ФРГ)?

А во-вторых, они настаивают не только на участии в венских переговорах, но и на изменении их мандата, на расширении круга обсуждаемых вопросов, чтобы вопросы восстановления действия СВПД (то есть «ядерной сделки») обсуждались в одном пакете с проблемами региональной безопасности, главной угрозой которой является «иранская агрессивная экспансионистская политика в регионе». Это тоже логично: новый участник переговоров должен иметь право настаивать на своей повестке, а не подстраиваться под чужую.

Одновременно арабские государства Залива подчеркивают, что каждая из них так или иначе уже находится в контакте с Тегераном и доводит до иранского руководства предложения о сотрудничестве.

Все это говорит о том, что ССАГПЗ выдвигает собственную модель инклюзивной (включающей Иран) системы безопасности, которая через механизм венских переговоров была бы легализована и имплементирована ведущими глобальными державами. При этом тот (или те), кто не согласится на ключевое звено этой модели - увязку «ядерной сделки» с общей системой безопасности Залива - будет выглядеть как противник интересов арабов, а значит, и региональной стабильности и мира в целом.

Из недавних заявлений главы МИД России Сергея Лаврова мы знаем, что Москва как раз выступает против такой увязки. И это может быть первым результатом реализации стратегии, нацеленной на ослабление позиций России в регионе, если не на ее маргинализацию (то есть выдавливание из важнейших региональных процессов). Ведь не секрет, что Кремль

настойчиво и последовательно продвигает собственную инициативу по системе безопасности в Заливе, которая вполне могла бы стать основой для серьезной работы в условиях ухода США. Вряд ли придется удивляться, если окажется, что конкурентом российской инициативы является британское видение будущего Персидского залива. И та «пакетная» модель, с которой выступают шесть аравийских монархий, в действительности разработана в Лондоне. Не случайно же делегация всех шести глав внешнеполитических ведомств стран-членов ССАГПЗ прибыла в Британию сразу по завершении риядского саммита. Думается, им было о чем поговорить со своей коллегой Лиз Трасс...